

УДК 004.7

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

«Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века

Сергей Г. Луковенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lukovenkovsergei@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассматривается возникновение системы ценностей, связанной с распространением информационных методов контроля в общественной и повседневной жизни человека современной эпохи. Утверждается, что ситуация «инфоцентризма» не является исключительным свойством нынешней эпохи. Посредством анализа паноптического проекта Иеремии Бентама, как наиболее разработанной теоретической модели, постулируются основные принципы надзора – «видимость» и «соучастие». Несмотря на то что в социальном воображении, которое проявляется в том числе через художественное творчество, надзор предстает как насильственное вторжение в частную жизнь человека, основной его формой для большинства членов социума является именно самонадзор. Впрочем, технический прогресс не мог не оказать влияния на практики контроля и, как следствие, на способы социального взаимодействия людей, постоянно существующих в информационной среде. В обществе, где культура надзора стала реальностью, человек, государство и корпорации имеют возможность создавать гомогенное информационное пространство, исключая из него людей с другими позициями и взглядами. «Власть исключать» рассматривается как результат тенденции объективации человека, как фундаментального ценного Другого в цифровом пространстве. Подобные и другие процессы служат обоснованием, почему надзор в его повседневных проявлениях не должен быть пренебрежен исследовательским взглядом.

Ключевые слова: надзор, контроль, Паноптикон, власть, культура надзора, социальные сети, интернет, коммуникация

Для цитирования: Луковенков С.Г. «Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 10–19. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

“Panoptic visibility”. Surveillance culture of 21th century

Sergei G. Lukovenkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lukovenkovsergei@yahoo.com*

Abstract. The paper discusses an emergence of the value system associated with the distribution of informational methods for controlling and surveillance in person's everyday and social life nowadays. Accessibility of the informational technologies “democratized” practices of controlling and surveillance, destroying traditional hierarchical mode of these phenomena. Situation of the post-industrial civilization is characterized by the ability for the state, corporations and independent agents to collect and process personal data to achieve sometimes obscure goals. It is argued that situation of “infocentrism” is not a unique feature of present era. Through analysis of Jeremy Bentham's panoptic project, as being the most notably developed theoretical model, it is postulated that the key features of surveillance as such are “visibility” and “participation”. Despite the fact that in social imagination, through the works of fiction, surveillance is viewed as a violent intervention in private life of a person, the main form of it for the most members of society is self-surveillance. Still, technological progress couldn't but influence the practices of controlling and, as a consequence, the ways of the people social interaction, that are constantly present in the digital space. In a society, where the culture of surveillance became reality, the person, state and corporations have a possibility to create homogeneous informational space, excluding people with the different ideas and values out of it. “Power to exclude” is considered to be a result of a tendency to objectify another person, as fundamentally valuable “Other”, in the digital dimension. The alike and other processes justify why surveillance, in its everyday manifestations, should not be neglected by researchers.

Keywords: surveillance, control, Panopticon, surveillance culture, social networks, Internet, communication

For citation: Lukovenkov, S.G. (2020), “‘Panoptic visibility’. Surveillance culture of 21th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 10-19, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-10-19

«Если в XX веке на наше понимание надзора могла так глубоко повлиять художественная литература – “1984” Оруэлла, – то в таком случае и в XXI веке стоило бы позволить подобным творениям держать зеркало, чтобы мы могли узнать наш собственный мир таким, какой он есть. Даже черное зеркало»¹ [Lyon 2018, p. 342], –

¹ «Even a Black Mirror» – Лайон обыгрывает название британского научно-фантастического телесериала «Черное зеркало», посвященного влиянию информационных технологий на жизнь человека. Зачастую эти сюжеты подаются в антиутопических тонах.

подчеркивает канадский социолог и один из корифеев *surveillance studies* (исследований надзора/наблюдения) Дэвид Лайон. Он постулирует необходимость изучения не только фактических сторон современных систем надзора, но также и явлений социального воображения. Эти проекции отражают как сознательное, так и бессознательное отношение людей к возможностям цифровой эпохи влиять на жизнь общества. Постепенно человек, интегрируясь в общественную систему, познает на собственном опыте присущие ей культурные принципы. Эти нормы и ценности оказывают влияние на человека еще до его рождения и обретения самосознания. Более того, «эти абстрактные идеи, или ценности, помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придавать ей смысл» [Гидденс 2005, с. 34].

В то же время не стоит переоценивать возможность культуры быть безоговорочным судьей, единственно решающим, какие социальные действия имеют право на существование, а какие должны быть отвергнуты, поскольку «способность культуры управлять человеческим поведением ограничена по многим причинам» [Смелзер 1994, с. 44]. Некоторые из этих причин связаны с делами рук человека: экономической ситуацией, технологическим фоном и т. п. Процессы глобализации, стремительно ускорившиеся с массовым распространением информационных и цифровых технологий, послужили началу изменений привычных форм коммуникации, осуществления власти и контроля, общения культур и отношения человека к ценности других людей. Произошедшая дигитализация многих, если не большинства, сторон жизни общества может быть рассмотрена как одна из причин, давших начало становлению новых социальных реалий, ценностей и идеалов.

Описание современности – задача не тривиальная. В попытках осмысления общества исследовательский дискурс обзавелся пестрым набором зонтичных моделей или «культур»: «потребления», «текущей современности», «риска», «постмодерна» и т. д. Несмотря на то что каждая из моделей претендует на адекватное описание социального мира, соперничая друг с другом, их объединяет высокая оценка необходимого условия существования сегодняшнего дня, т. е. цифровых информационных технологий². Например, смарт-

² Согласно статистическим данным, 59% населения планеты вовлечены в информационное пространство Интернета, причем в разных регионах доля вовлеченного населения возрастает до 80–95%, а общее число активных пользователей сети в апреле 2020 г. превышало четыре миллиарда человек (см.: Global digital population as of July 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения 7 мая 2020)).

фоны и другая «умная» техника, нареченная Зигмунтом Бауманом «персональным паноптиконом» [Lyon, Bauman 2013, p. 59], заметно облегчила связь потребителя и поставщиков товаров и услуг. «Гаджет является эмблемой постиндустриального общества» [Бодрийяр 2006, с. 146] – пророчески писал в 1970 г. Жан Бодрийяр. Полвека спустя цифровые технологии не лишились статуса эмблемы, но только укрепили свою культурную значимость. Тем не менее имел ли Бауман основания сравнивать смартфоны, а шире – информационно-цифровую технику в целом, с одним из олицетворений тоталитаризма и деспотичного надзора, насильственно подавляющего человека и проявления свобод во имя некоего общего блага? Бесспорно, да. Паноптикон с современными цифровыми технологиями объединяет тяга к созданию пространства постоянной видимости, информационной прозрачности и открытости одних перед другими.

Обратимся к содержательной стороне Паноптикона, чтобы провести параллели между идеей XVIII в. и цифровыми технологиями современности. В 1787 г., находясь на территории Российской империи, юрист, реформатор и признанный впоследствии отцом утилитаризма Иеремия Бентам, следя за происходящими событиями в родной Англии в отношении пенитенциарной системы, в эпистолярной форме делился соображениями со знакомым. В дальнейшем дружеская переписка, снабженная архитектурным проектом и авторскими дополнениями, увидела свет под названием «Panopticon, or the Inspection-house». Этой работе суждено было стать одним из наиболее важных элементов в интеллектуальном наследии Бентама наравне с сочинением «Введение в основоположения морали и законодательства». Паноптикон – цилиндрическое строение, жилые помещения или камеры которого расположены по длине окружности. Камеры отделены друг от друга перегородками, чтобы исключить коммуникацию между содержащимися людьми. Центр строения занимает башня смотрителя, на которую ориентированы камеры во всем строении. Смотритель и поднадзорные соединены зрительно, но если поднадзорные и их действия полностью открыты смотрителю, то действия последнего, как и его состояние в целом, недоступны наблюдениям тех, кто подвергается контролю. По задумке Бентама, подобная рационализация инструментов организации пространства позволяет осуществлять главный принцип паноптической архитектуры, а именно – «видеть, не будучи видимым» [Bentham 1962, p. 44]. Остальные параметры, тщательно прописанные Бентамом в трактате, – такие как основанная на игре света и тени иллюзия постоянного присутствия надзирателя, проработка условий жизни и работы поднадзорных и т. д. – не пред-

ставляют пока теоретического интереса в исследовании состояния аппарата контроля и надзора в наши дни. Паноптикон – это попытка создания особого пространства, осуществляющего для властных элементов пассивный сбор информации, которая может быть использована как стимул при реализации активной формы надзора/наблюдения. При этом важно, что осознание человеком того, что исходящая от него информация – в терминах Бентама «видимость действий» – собирается некими силами, которые могут и будут использовать полученные данные в своих интересах, вынуждает человека корректировать поведение, дабы избежать нежелательных действий³.

Паноптическая тюрьма стала наиболее известной и распространенной идеей мыслителя, но, по задумке Бентама, «паноптизации» могут быть подвергнуты и другие социальные институты [Bentham 1962]. Если же расширить мысль англичанина, то и общество целиком. Идея Бентама интересна даже не столько как оригинальный утопический проект, основанный на желании (в чем-то еще более утопичном) переделать мир архитектурой, но как доведенный до предела особый культурный импульс, связанный с желанием обладать максимальным контролем над событиями, не прибегая к прямым формам насилия. История человеческих обществ связана с постоянным появлением множества артефактов – устного, письменного, архитектурного происхождения, – направленных на поддержание социального порядка посредством осуществления надзорной и фильтрационной деятельности. К таким артефактам можно отнести религиозные тексты, законы, армейские уставы, городское планирование и т. п. Как и в отношении Паноптикона, эффективность названных артефактов строится скорее на создании условий, вынуждающих человека действовать необходимым образом, нежели на активной форме надзора, то есть на прямом вмешательстве. Впрочем, надзор и наблюдение как явления общественного и частного порядка зачастую предстают в социальном воображении посредством символов и образов, связанных именно с негативными сторонами данных явлений. При упоминании их человек может представить неприметный фургон с агентами спецслужб, перехватывающими телефонные переговоры неугодного че-

³ Интересно, что идея создать у заключенных понимание и постоянное ощущение того, что в каждый момент их действия могут быть видимы, носила для Бентама по-настоящему тоталитарный характер: «Оставьте хоть одно место без охраны, и оно безусловно станет прибежищем самых последних мерзавцев среди заключенных и сценой для всякого рода запретных действий» [Bentham 1962, p, 86].

ловека, чей паспорт, кредитные карты и личность в один момент стираются из реальности по желанию властей. В другом случае ассоциативным событием может оказаться ситуация преследования или травмы человека со стороны анонимных лиц, пользующихся данными, которыми человек добровольно делится в цифровом пространстве. Подобная рецепция надзора в художественном творчестве связана с противоречивым отношением к реальности «прозрачного» мира, с одной стороны, дающего небывалые возможности наращивания социального капитала, а с другой – создающего опасность потери контроля над своей информационной ипостасью. Несмотря на то что подобные сценарии могут быть реализованы, в процентном соотношении они столь малочисленны, что подавляющее число людей, скорее всего, никогда не столкнется с подобными проявлениями надзора со стороны властей и частных корпораций. Все это – яркие примеры того, как социальное воображение может влиять на восприятие надзора, пусть оно и разнится с повседневным опытом. Согласно соцопросам, подавляющее число американцев озабочены количеством собираемой о них информации и опасаются, что данные слабо защищены, и неизвестно, что с ними происходит, при этом около 97% среди взрослых опрошенных оказывались в ситуации, когда принимали политику сбора персональных данных (пользуясь сайтами или услугами), но лишь 20% из числа опрошенных часто читают соглашения целиком⁴.

Для большинства членов социума надзор существует в качестве необходимости корректировки поведения в соответствии с декларируемыми принципами социальных групп для успешной интеграции. Другими словами, основная форма надзора – самонадзор. В области *surveillance studies* встречаются предположения, что цифровая революция совершила переворот в подходе к использованию практик надзора и наблюдения: в эпоху информационной видимости насилие трансформируется – в пользу соблазнения, вовлечения индивида, чтобы он был заинтересован в передаче персональных данных, личной информации в обмен на скидки, бонусы или социальное признание, создавая новую логику надзора, где «многие наблюдают за многими», а прозрачность воспринимается

⁴ Данные исследовательского отчета “Key takeaways on Americans’ views about privacy, surveillance and data-sharing”, основанного на крупном исследовании “Americans and privacy: concerned, confused and feeling lack of control over their personal information” Исследовательского центра Пью, проведенного осенью 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/11/15/key-takeaways-on-americans-views-about-privacy-surveillance-and-data-sharing/> (дата обращения 7 июня 2020).

как результат добровольного выбора [Galič, Timan, Koops 2017]. Подобные концепции вызывают ряд нареканий, которые можно выразить следующим образом: характеристика вовлеченности или соучастия не отражает фундаментального изменения в аппарате надзора/контроля, указывая на возросшие технические и вычислительные возможности современности по сравнению с прошедшими историческими эпохами. Паноптическая архитектура не находила бы такой большой научный и культурный отклик, будь она лишь памятником мысли, не пересекающимся с актуальными событиями или практиками, которые стали частью повседневной активности человека. Паноптические организации, не связанные с пенитенциарной системой, предполагали, что человек волен при желании покинуть их, лишаясь предполагаемых преимуществ. Понятно, что в условиях XVIII в. мало кто был заинтересован в тех данных, в той персональной информации, которая сегодня собирается в огромных количествах всеми, кто в ней заинтересован, – от малых сайтов и корпораций до правительственных организаций. Тем не менее личная информация имела ценность. Для работы паноптического пространства требовался «доступ» к поведению, действиям и даже в определенном смысле к намерениям человека – через реализацию «принципа видимости», как задумывал Иеремия Бентам.

Но цифровые технологии надзора не могли не привнести новшеств в сферу коммуникации. Если попытаться определить, имеет ли место в современном мире особая культура, связанная с практиками надзора и наблюдения, необходимо говорить о том, как технологическое усиление этих феноменов повлияло на взаимодействие людей в социуме, что оно привнесло в представление о человеке как «Другом», его ценности и присутствии. Немецкий теоретик и культуролог Хан Бюн-чоль, задаваясь вопросом о природе социальных взаимодействий в эпоху Интернета, приходит к выводу, что возможность почти безграничной коммуникации парадоксальным образом не сблизила «Субъекта» и «Другого» [Hoban, Han 2018]. Как получается, что в ситуации, когда межличностное общение стало столь простым и глобальным, приходится говорить о некотором забвении и пропаже «Другого»? Речь вовсе не о том, что человек буквально закрывается от других людей, разрывая социальные связи. Во многом характерно обратное: коммуникационная область человека может включать сотни людей, а возможности информационного мира позволяют ему, будучи независимым агентом, взаимодействовать с огромным количеством людей по всей планете. Размышляя о ситуации XX столетия, Жан Лакруа вынес приговор эпохе: «Современный мир наполнен произносящими монологи

индивидами, и они никогда не принимают “другого”, противоборствуют, сталкиваются между собой» [Лакруа 2004, с. 453]. На первый взгляд, создается впечатление, что современная ситуация стала диаметрально противоположной: социальные сети и платформы (Twitter, Facebook, YouTube и т. п.) дают возможность единомышленникам вступать в живой диалог, которой был бы во многих случаях невозможен без цифрового посредничества.

Впрочем, не все столь однозначно. На распространение коммуникационных платформ можно посмотреть иначе – как на следствие активно развивающейся культуры надзора. Одно из предназначений надзора и наблюдения в обществе состоит в исключении или социальной дискредитации неугодных элементов. Надзирать – значит обладать властью отстранения, властью исключать из общения. Социальные сети и платформы позволяют реализовать подобный сценарий радикальным образом, влияя в итоге на представление о ценности Другого и важности конкурентной борьбы идей для существования гражданского общества. Цифровые способы межличностного взаимодействия позволяют человеку или контролирующим платформы организациям создавать гомогенное информационное поле, где будет исключено или сведено к минимуму столкновение с инакомыслием, неугодной информацией и неугодными людьми. При желании практически каждый человек или организация может создать свой собственный Паноптикон и быть в нем единственным надзирателем. Очевидно, что регулировка этического или юридического характера для сетевого пространства необходима, но чрезмерность зачастую приводит к совсем нежелательным результатам, придавая новое измерение старой дилемме свободы или безопасности. Хан Бюн-чхоль вводит термин “The Same” («такой же»/«тот же самый») для описания того, с кем или чем может столкнуться человек, попавший в цифровой мир. «Другой», как важный элемент развития человека, оказывается под угрозой сведения к простому источнику удовольствия, причем не всегда безобидного, чему свидетельствует серьезная для современного мира проблема интернет-травли или кибербуллинга. Информационное пространство стало полноценной областью, где люди осваивают и формируют навыки общения, непосредственно влияющие на активность в «реальном мире».

Культура надзора – это производная «демократизации» способов осуществления надзорной власти через распространение цифровых технологий, дающих возможность индивиду или группам очерчивать границы собственного информационного мира. Конечно, наличие возможности осуществлять надзорную власть не означает, что каждая вовлеченная сторона обязательно будет выстраи-

вать свой «закрытый» мир, исключая столкновение с незнакомым и чуждым. Однако сама возможность подобного подтверждает, что наравне со многими социальными феноменами современности имеет место особая «культура надзора», которая должна быть тщательным образом исследована. Еще только предстоит философски осмыслить влияние не только «власти исключения», которая ведет к переоценке ценности «Другого», но и других проявлений культуры надзора в повседневной и политической жизни общества. Тем не менее, не желая дополнять негативные образы культуры надзора и технологических антиутопий, хочется завершить статью словами Дэвида Лайона, настаивающего, что позитивные и негативные следствия технологий зависят непосредственно от общества, напрямую от нас:

Доктрина технологической неизбежности ложна, ведь производство технологий – это социально обусловленное человеческое стремление. Те, кто вкладывают мысли, что технологии являются некоей неудержимой силой, часто имеют свой интерес в препятствовании сопротивлению или отрицании роли человеческого фактора [Lyon 2018, p. 342].

Литература

- Бодрийяр 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.
- Гидденс 2005 – *Гидденс Э.* Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 451–632.
- Лакруа 2004 – *Лакруа Ж.* Смысл диалога // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм: Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. С. 451–535.
- Смелзер 1994 – *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
- Bentham 1962 – *Bentham J.* Panopticon, or Inspection-house // The works of Jeremy Bentham. Vol. 4. New York, 1962. P. 37–172.
- Galič, Timan, Koops 2017 – *Galič M., Timan T., Koops B.-J.* Deleuze and Beyond: An Overview of Surveillance Theories from the Panopticon to Participation // *Philosophy & Technology*. 2017. № 30. P. 9–37.
- Hoban, Han, 2018 – *Hoban W., Han B.* The Expulsion of the Other. Hoboken: Wiley, 2018. 111 p.
- Lyon 2018 – *Lyon D.* The Culture of Surveillance: Watching as a Way of Life. Hoboken: Wiley, 2018. 377 p.
- Lyon, Bauman 2013 – *Lyon D., Bauman Z.* Liquid Surveillance. Hoboken: Wiley, 2013. 184 p.

References

- Baudrillard, J. (2006), *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktura* [La société de consommation: ses mythes et ses structures], Transl. from French, afterword and notes by E.A. Samarskaia, Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia.
- Bentham, J. (1962), "Panoptic, or the Inspection-house", *The works of Jeremy Bentham*, vol. 4, New York, USA.
- Galič, M., Timan, T. and Koops, B.-J. (2017), "Deleuze and Beyond: An Overview of Surveillance Theories from the Panopticon to Participation", *Philosophy and Technology*, no 30, pp. 9–37, DOI: 10.1007/s13347-016-0219-1.
- Giddens, A. (2005), *Sotsiologiya* [Sociology], with the participation of K. Birdsall, transl. from English, 2nd ed., completely revised and enlarged, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Hoban, W. and Han, B. (2018), *The Expulsion of the Other*, Hoboken, Wiley, USA.
- Lacroix, J. (2004), "The meaning of dialogue", *Izbrannoe: Personalizm* [Selected Works. Personalism], Transl. from French, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 451–535.
- Lyon, D. (2018), *The Culture of Surveillance, Watching as a Way of Life*, Wiley, Hoboken, USA.
- Lyon, D. and Bauman, Z. (2013), *Liquid Surveillance*, Wiley, Hoboken, USA.
- Smelser, N. (1994), *Sotsiologiya*, [Sociology], transl. from Engl, Feniks, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Г. Луковенков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lukovenkovsergei@yahoo.com

Information about the author

Sergei G. Lukovenkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; lukovenkovsergei@yahoo.com